

У моих родителей Янушковских было четыре сына и четыре дочери. Родительский дом, в котором я и сейчас живу, находится недалеко от кинотеатра «Мир» по улице им. Л. Чаловской.

В начале 1940-х годов здесь была окраина города, рядом — «Батареи», близко подступал лес. Недалеко от нас жили Люся Чаловская и Николай Капшай. Наши семьи дружили, а молодежь проводила все свое свободное время вместе — летом устраивали вечеринки, ходили на речку, зимой — на лыжах.

Когда началась война, дружба не распалась. По-прежнему вечерами собирались в домах, «крутили» патефон, слушали довоенные песни, танцевали. Между танцами шептались, часть ребят куда-то уходила, потом снова появлялась. Меня, как младшую, не посвящали в свои секреты, только просили побыть на улице и сказать им, если появятся вблизи дома немцы или полицаи.

В 1942 году обстановка в городе ужесточилась, молодежь насиль-

▶ **память**

КОНВЕЙЕР СМЕРТИ

но стали вывозить в Германию, стало труднее передвигаться по городу. Меня несколько раз братья посылали в старую часть города к двоюродному брату Павлу Янушковскому с записками, которые упрятывали в мою одежду. К этому времени уже появились партизаны. Об этом знала и я — слышала разговоры взрослых. Первой ушла в партизаны Люся Чаловская, потом — Николай Капшай. Они несколько раз приходили из лесу к нам. В начале 1943 года ушли и три моих брата. К нам время от времени приходили полицаи с немцами и спрашивали у мамы, где сыновья. Она отвечала, что в деревне, так как в городе большой семье было не прокормиться. Однако все сложнее было скрывать истинное положение, и старший брат Дмитрий переправил в партизанский отряд маму и сестер с детьми. Меня же

вновь послал к Павлу на улицу Газетную. Но там была засада, и меня арестовали, отвезли в полицию, очень били, а потом бросили в тюрьму. В камере № 30 я просиде-

Узники концлагеря, расстрелянные гитлеровцами (территория деревообрабатывающего комбината им. Коминтерна).

ла полгода. Потом вывезли в концлагерь напротив ДОКа, оттуда — в Минск на улицу Широкую, а ранней весной 1944 года — в Освенцим (мой номер 79667). Но и это

еще не все: я познала ужасы и других фашистских лагерей — Равенсбрюка, Гросс Розы, Беркен-Бельзена, где меня в числе других освободили англо-американские войска. Военные выносили нас из бараков полуживых, а потом некоторое время лечили.

Когда вернулась домой в ноябре 1945 года, узнала, что мои три брата — Вячеслав, Леонид и Станислав — погибли при прорыве блокады у деревни Маковье в июне 1944 года. А Дмитрий в тот день, когда маму с сестрами отправил в партизаны, а меня — в город, совершил просто подвиг. Вечером в наш дом ворвались немцы и полицаи. В доме были только брат с товарищем Виталием Казановским,

который не подчинился приказу немцев поднять руки, и был убит. А Дмитрий в кармане держал гранату, которой воспользовался. От взрыва три полицаи погибли сразу, не-

мец был ранен. Брат в эту минуту смог выбраться через чердачный люк над печкой на улицу и убежал в лес к партизанам.

Так все мои родные, как и многие-многие знакомые, встретили немецкую оккупацию. И это при том, что наш отец Александр Николаевич, рабочий завода «Пролетарский молот», был репрессирован в 1937 году (реабилитирован посмертно в 1964 г.).

Сколько подпольщиков и партизанских связных погибло в фашистских застенках, не выдав своих товарищей по борьбе, трудно подсчитать.

Как же можно говорить некоторым горе-писателям, что не было в Борисове широкого подполья, что борисовчане не вели организованную борьбу против немецко-фашистских захватчиков?

К счастью, мы еще, хоть и немногие, живы и можем рассказать, как это было, какой конвейер смерти устроили фашисты для нашего народа.

Эмилия ЯНУШКОВСКАЯ-КОПЫТОК